

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаляпина Э. М. О соотношении синтаксиса связного текста с синтаксисом предложения // Вопросы методики

использования текста в обучении иностранным языкам: Материалы конференции молодых научных сотрудников. М., 1975.

Орловская М. Н. Язык «Алтан тобчи». М.: Наука, 1984. 235 с.

Появление книги «Язык «Алтан Тобчи»» в определенной степени восполняет пробел в монголистике, ибо ни в зарубежном, ни в советском монголоведении нет исследований, посвященных специально изучению морфологической структуры языка какого-либо памятника. Историки языка, разрабатывая отдельные вопросы грамматики, обычно ограничивались привлечением соответствующих данных из разных письменных источников — преимущественно из памятника XIII в. — «Сокровенное сказание монголов» (Э. Ханиш, С. А. Кован и др.). Между тем морфология в целом представляет собой наименее разработанную область в монгольском историческом языкознании.

В рецензируемой работе впервые в монголоведении дано описание морфологической структуры языка одного из самых интересных литературно-исторических памятников монгольской письменности XVII в. — летописи Лувсан Данзана «Алтан тобчи» — «Золотой свод». В монографии прослеживаются именные и глагольные словоизменительные грамматические формы языка летописи в сопоставлении с современным монгольским языком. Она состоит из предисловия, введения, трех глав и заключения.

Во введении два небольших раздела: 1) Старописьменный монгольский язык и периоды его развития; 2) Краткие сведения об «Алтан тобчи». При анализе вопроса о происхождении монгольской письменности на основе уйгурской графки и монгольского письменного языка автор, излагая найманскую, керейтскую (А. М. Позднеев, Б. Я. Владимирцов, Г. Д. Савжеев, С. Мурояма и др.), киданьскую (Л. Лигети, Д. Кара, Л. Л. Викторова и др.) версии, констатирует, что ни одна из них не получила обоснованного фактами подтверждения. Здесь следует заметить, что для современного состояния наиболее вероятной представляется киданьский вариант, разрабатываемый монголистами разных стран.

Предварительные итоги этих наблюдений были изложены на V Международном конгрессе монголоведов в сентябре 1987 г. (Улан-Батор) в докладах профессором Д. Кара (ВНР), Ченгелтея (ННР), Ц. Шагдарсурэна (МНР) и др.

Рассматривая вопрос о периодизации развития старописьменного монгольского языка, М. Н. Орловская особое внимание уделила третьему, «классическому» периоду, отметив, что он «характеризуется существенными изменениями как в самом языке, так и в письме» (с. 11).

Однако мнение автора, согласно которому «с конца XVI в. старописьменный монгольский язык становится средством письменного общения только собственно монголов на территории Халхи (ныне МНР) и Внутренней Монголии» (с. 12), вызывает возражение в связи с тем, что и бурятские и ойратские племена, особенно бурятские, продолжали пользоваться «классическим» старомонгольским языком и в XX в. вплоть до образования своего литературно-письменного языка на хоринской диалектной основе.

Весьма ценными представляются исторические справки о самой летописи «Алтан тобчи», которая, по общему признанию исследователей (Л. С. Пучковский, Н. П. Шастина и др.), является не только переложением, пересказом 233 из 282 параграфов текста «Сокровенного сказания монголов», но также содержит фрагменты неизвестных древних монгольских хроник, отсутствующих в последнем. Это обстоятельство особо важно в языковом отношении.

В первой главе исследуются падежи имен существительных, суффиксы множественного числа, а также имена прилагательные, местоимения, числительные, зафиксированные в тексте летописи с указанием особенностей их употребления в сопоставлении с данными современного монгольского языка.

В системе падежей языка «Алтан тобчи» установлено сохранение ряда свойств древнемонгольского языка, в частности, употребление неустойчивого конечного -и в именительном, винительном и в других падежах. Как известно, наличие ауслаутного -и в именных основах не только в именительном, но также и во всех косвенных падежах представляло исходную позицию в древнемонгольском языке.

Автором внесены существенные уточнения в функции и значения архаичного местного падежа, вышедшего из употреб-

ления в современных монгольских языках за исключением монгурского. М. Н. Орловская показала, что в тексте «Алтан тобчи» круг слов в форме местного падежа достаточно широк и не ограничен только локативным значением (с. 33—36).

Язык изучаемой летописи подтвердил генетическую связь между формантами винительного и родительного падежей. Отсутствие строгих закономерностей в употреблении показателей винительного падежа в прямом дополнении автор связывает с существующим в агглютинативных языках правилом «определение всегда предшествует определяемому», что давало возможность не только строить определительные сочетания простым соположением имен, но и выражать объектные отношения только постановкой прямого дополнения перед глаголом-сказуемым. При этом имя и глагол образовывали единый комплекс, не требующий падежного форманта для имен по типу сочетаний *гэр бариг* «ставить курту».

Необходимость обозначать объект возникла тогда, когда он стал занимать дистантное положение по отношению к своему глаголу. Автор считает, что первоначально был один формант для двух падежных значений: винительного и родительного, что сохранилось в некоторых островных бесписьменных монгольских языках и до наших дней. В письменных языках произошло его расщепление на два самостоятельных форманта, но какое-то время они четко не разграничивались и заменяли друг друга, о чем свидетельствуют факты, обнаруженные автором исследования в языке летописи.

М. Н. Орловская обращает внимание на широкое употребление формы дательного-местно-исходного падежа на *-dača/-deče*, *-tača/-teče* в аблативном значении, которая практически исчезла из современных монгольских языков, сохранившись лишь в одной-двух словоформах типа *гэртээс* «из дома». Появление этого падежа в монгольском исследователем связывает с возможным влиянием древнетюркских языков, в которых существовал полифункциональный местно-исходный падеж на *-dal/-de* и который в монгольском в собственно аблативном значении требовал уточнения в виде показателя исходного падежа *-čal/-če* (с. 224).

В отношении категории числа М. Н. Орловская отметила два момента: 1) сохранение древних форм мн. числа в некоторых словах, например: *гад* «руки» в.м. современного *гарнууд*, *од* «годы» в.м. *одууд*; 2) наличие согласования в числе определения и определяемого, не свойственного для современных монгольских языков.

При рассмотрении системы словоизменения имен следовало бы автору обра-

тить внимание на позицию монголистов, отрицающих наличие именительного падежа и особую специфику категории множественности в монгольских языках [1].

Во второй главе, посвященной глагольным формам, подробно исследованы все значения и функции изъявительных, повелительно-желательных, причастных и деепричастных форм, выявлены форманты и значения, характерные для языка этой эпохи, например, изъявительная глагольная форма на *-уи* с модальным значением достоверности в совершении обозначенного в глагольной основе действия, широко употребляемая в классическом монгольском, но отсутствующая в современном языке (с. 83—87).

Текст летописи позволил автору по-новому интерпретировать некоторые глагольные форманты: 1) форма на *-тја*, традиционно рассматриваемая как «изолированная повелительно-желательная» форма [2], относится исследователем к изъявительным глагольным показателям будущего времени с оттенком утверждения и уверенности в его осуществлении (с. 100); 2) зафиксирован более глагольный характер формы на *-үд*, которая в современном монгольском языке употребляется, как правило, в субстантивном значении (с. 126—130); 3) рассматривая «приготовительное», или «цитатное», деепричастие на *-гил*, М. Н. Орловская отметила, что в тексте летописи прослеживается употребление формы на *-гил* с многочисленными глагольными основами с разнообразными функциями в предложении и нередко выполняет значение финитной глагольной формы.

Автор доказал неправомочность сохранения за этой формой названия «цитатного», или «приготовительного», деепричастия, хотя и не предлагает своего варианта наименования (с. 178—183).

Наряду с безусловными достоинствами в изложении глагольных форм просматриваются некоторые недочеты в подаче материала. Так, например, в монголоведении до сих пор отсутствует четкое представление о количестве времен и наклонений в монгольских языках. Очевидно, автору следовало бы дать общий очерк наклонений, а затем исследовать глагольные формы, количество формантов и наклонений. К сожалению, вне поля наблюдения оказались также залого и виды. Возможно, в одной монографии трудно осветить все такие важные в теоретическом и практическом отношениях проблемы, но тем не менее можно было бы отразить материалы летописи по этим грамматическим категориям глагола.

В третьей главе рассматриваются наречия и служебные части речи. Среди них интерес представляют слова, не известные в современных языках, например,

употребление наречия *munda* (с. 184), выделительной частицы *ber* (с. 209). Примеры, иллюстрирующие употребление частицы *ber*, подтверждают правильность мнения автора, согласно которому неправомерно отождествлять ее с омонимичной формой орудного падежа, как это еще делается в некоторых исследованиях.

Вопрос относительно наречия *munda* «сейчас, теперь», возводимого автором к тюркской форме местного падежа основы указательного местоимения *min* (с. 222—223), следует уточнить прежде всего на материале монгольских языков. Например, в современном калмыцком языке употребляется частица *минь* «только что, сейчас, сразу»: *минь ода* «только что», образованное от *минь* + частица *ода* «теперь, сейчас» → *миньда* «сейчас». В бурятском языке имеется наречие *мэндэ* «прошлый раз», *тэз мэндэ* «тот раз, тогда».

В целом рецензируемая книга представляет собой важный вклад в монгольское историческое языковедение, ибо в лингвистический оборот введен ценный материал по истории именных и глагольных словозаменительных грамматических форм старописьменного монгольского языка классического периода. Подобный тип исследования крайне необходим для монголоведения.

Дарбеева А. А., Тенишев Э. Р.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
2. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.

Понимание историзма и развития в языковедении первой половины XIX века / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР Десницкая А. В. Л.: Наука, 1984. 304 с.

Рецензируемая книга написана коллективом ленинградских авторов. В течение последних десяти лет в Ленинградском отделении Института языковедения АН СССР под руководством А. В. Десницкой ведутся систематические исследования в области истории языковедения. Выпущены три тома «Истории лингвистических учений» [1—3]. Создание в Ленинграде инициативной группы, занимающейся исследованиями в области истории лингвистических учений, представляется чрезвычайно важным в свете усиления интереса к историографии лингвистики в масштабе мировой науки.

Для успешного развития исследований по истории лингвистики первоочередной задачей является разработка фундаментальных понятий и концептуального аппарата этой сферы науки, постановка методологических проблем изучения истории языковедения [4]. Рецензируемая книга посвящена именно этой проблематике. Она ставит целью проанализировать важнейшие понятия, характеризующие хронологические периоды в развитии наук «в соответствии с основными для них направлениями теоретических интересов и методов» (с. 3), а именно — два важнейших «ключевых» понятия языковедения XIX в. — «историзм» и «развитие». Генезис этих понятий был связан «с общим теоретическим сдвигом научного мышления в сторону познания закономерностей развития и взаимосвязей явлений в при-

роде и в обществе, совершившимся на рубеже XVIII и XIX вв.» (с. 3). Историзм как один из основных принципов диалектического подхода к изучению феноменов языка выкристаллизовывался в языковедении постепенно, на базе ряда «теоретических направлений и конкретных линий исследования, объединившихся между собой в основном общностью подхода к языкам как к исторически развивающимся объектам» (с. 5). Поскольку авторам книги не представлялось возможным охватить все «версии» понимания принципов историзма и развития, а также их конкретное применение в практике лингвистических исследований первой половины XIX в., в рецензируемой книге получили освещение «лишь некоторые из наиболее значимых для первого этапа исторического языковедения концепций и направлений» (с. 5).

Учитывая, что «в первой половине XIX в. разработка исторических взглядов на изучаемые объекты оказалась для языковедения также путем для его спецификации, для выделения его в ранг самостоятельной науки» (с. 3), в книге анализируются лингвистические взгляды и методы основоположников сравнительно-исторического языковедения. Им посвящены статьи Ю. К. Кузьменко «Лингвистическая концепция Расмуса Раска», А. В. Десницкой «Лингвистические взгляды братьев Шлегель и их роль в формировании исторического языковедения», ее